

The Master and Margarita
Mikhail Bulgakov

The meeting between the Master and Aloisy Mogarych. A *loose end* in the English translation.

From the archive section of
The Master and Margarita

<http://www.masterandmargarita.eu>

Webmaster

Jan Vanhellemont
Klein Begijnhof 6
B-3000 Leuven

+3216583866
+32475260793

Russian

-- А, помню, помню! -- вскричал Иван. -- Но я забыл, как ваша фамилия!

-- Оставим, повторяю, мою фамилию, ее нет больше, -- ответил гость. – Дело не в ней. Через день в другой газете за подписью Мстислава Лавровича обнаружилась другая статья, где автор ее предполагал ударить, и крепко ударить, по Пилатчине и тому богомазу, который вздумал протащить (опять это проклятое слово!) ее в печать.

Остолбенев от этого слова "Пилатчина", я развернул третью газету. Здесь было две статьи: одна -- Латунского, а другая -- подписанная буквами "Н.Э.". Уверяю вас, что произведения Аримана и Лавровича могли считаться шуткою по сравнению с написанным Латунским. Достаточно вам сказать, что называлась статья Латунского "Воинствующий старообрядец". Я так увлекся чтением статей о себе, что не заметил, как она (дверь я забыл закрыть) предстала предо мною с мокрым зонтиком в руках и мокрыми же газетами. Глаза ее источали огонь, руки дрожали и были холодны. Сперва она бросилась меня целовать, затем, хриплым голосом и стуча рукою по столу, сказала, что она отравит Латунского.

Иван как-то сконфуженно покряхтел, но ничего не сказал.

-- Настали совершенно безрадостные дни. Роман был написан, больше делать было нечего, и мы оба жили тем, что сидели на коврике на полу у печки и смотрели на огонь. Впрочем, теперь мы больше расставались, чем раньше. Она стала уходить гулять. А со мной случилась оригинальность, как нередко бывало в моей жизни... У меня неожиданно завелся друг. Да, да, представьте себе, я в общем не склонен сходить с людьми, обладаю чертовой странностью: схожусь с людьми туго, недоверчив, подозрителен. И -- представьте себе, при этом обязательно ко мне проникает в душу кто-нибудь непредвиденный, неожиданный и внешне-

English translation

Ah, I remember, I remember!' Ivan cried out. 'But I've forgotten your name!'

'Let's leave my name out of it, I repeat, it no longer exists,' replied the guest. 'That's not the point. Two days later in another newspaper, over the signature of Mstislav Lavrovich, appeared another article, in which its author recommended striking, and striking hard, at Pilatism and at the icon-dauber who had ventured to foist it (again that accursed word!) into print.

'Dumbfounded by this unheard-of word "Pilatism", I opened a third newspaper. There were two articles in it, one by Latunsky, the other signed with the initials "N.E." I assure you, the works of Ariman and Lavrovich could be counted as jokes compared with what Latunsky wrote. Suffice it to say that Latunsky's article was entitled "A Militant Old Believer". I got so carried away reading the article about myself that I didn't notice (I had forgotten to lock the door) how she came in and stood before me with a wet umbrella in her hand and wet newspapers as well. Her eyes flashed fire, her trembling hands were cold. First she rushed to kiss me, then, in a hoarse voice, and pounding the table with her fist, she said she would poison Latunsky.'

Ivan grunted somewhat embarrassedly, but said nothing.

'Joyless autumn days set in,' [...] The novel was written, we had nothing more to do, and we lived, the two of us together, we were sitting on the carpet near the fireplace, looking at the flames. We started going out more than before. She started making walks. And then something unusual happened to me, as it happens quite often in my life... I got an unexpected visit from a friend. Yes, yes, just imagine: Generally I don't get easily involved with others. I have this demonic strangeness, I hardly converge with people, I am mistrustful, I am suspicious. And you must know: to me, someone has to step unexpectedly into my soul, not

то черт знает на что похожий, и он-то мне больше всех и понравится.

Так вот в то проклятое время открылась калиточка нашего садика, денек еще, помню, был такой приятный, осенний. Ее не было дома. И в калиточку вошел человек. Он прошел в дом по какому-то делу к моему застройщику, потом сошел в садик и как-то очень быстро свел со мной знакомство.

Отрекомендовался он мне журналистом. Понравился он мне до того, вообразите, что я его до сих пор иногда вспоминаю и скучаю о нем. Дальше -- больше, он стал заходить ко мне. Я узнал, что он холост, что живет рядом со мной примерно в такой же квартирке, но что ему тесно там, и прочее. К себе как-то не звал. Жене моей он не понравился до чрезвычайности. Но я заступился за него. Она сказала:

-- Делай, как хочешь, но говорю тебе, что этот человек производит на меня впечатление отталкивающее.

Я рассмеялся. Да, но чем, собственно говоря, он меня привлек? Дело в том, что вообще человек без сюрприза внутри, в своем ящике, неинтересен. Такой сюрприз в своем ящике Алоизий (да, я забыл сказать, что моего нового знакомого звали Алоизий Могарыч) -- имел. Именно, нигде до того я не встречал и уверен, что нигде не встречу человека такого ума, каким обладал Алоизий. Если я не понимал смысла какой-нибудь заметки в газете, Алоизий объяснял мне ее буквально в одну минуту, причем видно было, что объяснение это ему не стоило ровно ничего. То же самое с жизненными явлениями и вопросами. Но этого было мало. Покорил меня Алоизий своею страстью к литературе. Он не успокоился до тех пор, пока не упросил меня прочесть ему мой роман весь от корки до корки, причем о романе он отозвался очень лестно, но с потрясающей точностью, как бы присутствуя при этом, рассказал все замечания редактора, касающиеся этого романа. Он попадал из ста раз сто раз.

Кроме того, он совершенно точно объяснил мне, и я догадывался, что это безошибочно, почему мой роман не мог

foreseen, and totally out of the known ways, that's something I like.

One day in that damned period our garden gate went open, I remember it was a nice autumn weather. She was not home. En he came in through the gate. He had passed the house in order to arrange something with the landlord, then came back to our little house en very rapidly we got acquainted.

He introduced himself as a journalist. I liked him so much, just imagine, that I remember still now and yes, that I even miss him. He started coming more often. I learned that he was single, that he lived in the neighbourhood of the apartment, and much more. I never invited him though. My wife didn't like him at all. But I threw myself into the breach for him. She said:

- Do what you want, but I tell you that this person makes a obnoxious impression on me.

I started laughing. Yes, sure but, in fact, why was I attracted to him? As a principle, people who have no surprises within themselves are totally uninteresting to me. And Aloisy (oh yes, I forgot to tell that my new friend was called Aloisy Mogarych) did have surprises. Anyway, I know that I never met someone like him before, and that I never will meet a man with a spirit like Aloisy's. When I didn't understand the deeper meaning of something I had been reading in the newspaper, Aloisy explained it to me in a minute and to the letter and one could see that this explanation was of no trouble to him. Even when it was about the important questions of life. But it meant nothing yet. What made me submit to Aloisy was his passion for literature. He could not be stopped - he asked me to read out loud my novel from the beginning to the end, and he reacted flattering to the story, but with a astonishing accuracy, and - as if he had been there himself - he gave me all the observations that the editor had been giving too, for hundred percent.

Furthermore he explained to me exactly - and I guess that what he told was right, why my story could not be printed. He

быть напечатан. Он прямо говорил: глава такая-то идти не может...

[...] Here's a loose end in the Russian text.

Статьи не прекращались. Над первыми из них я смеялся. Но чем больше их появлялось, тем более менялось мое отношение к ним. Второй стадией была стадия удивления. Что-то на редкость фальшивое и неуверенное чувствовалось буквально в каждой строчке этих статей, несмотря на их грозный и уверенный тон. Мне все казалось, -- и я не мог от этого отделаться, -- что авторы этих статей говорят не то, что они хотят сказать, и что их ярость вызывается именно этим. А затем, представьте себе, наступила третья стадия -- страха.

Нет, не страха этих статей, поймите, а страха перед другими, совершенно не относящимися к ним или к роману вещами. Так, например, я стал бояться темноты. Словом, наступила стадия психического заболевания. Стоило мне перед сном потушить лампу в маленькой комнате, как мне казалось, что через оконце, хотя оно и было закрыто, влезает какой-то спрут с очень длинными и холодными щупальцами. И спать мне пришлось с огнем.

said in a direct manner: this chapter will not make it...

[...] the guest went on. 'The monstrous failure with this novel seemed to have taken out a part of my soul. Essentially speaking, I had nothing more to do, and I lived from one meeting with her to the next. And it was at that time that something happened to me. Devil knows what, Stravinsky probably figured it out long ago. Namely, anguish came over me and certain forebodings appeared.

"The articles, please note, did not cease. I laughed at the first of them. But the more of them that appeared, the more my attitude towards them changed. The second stage was one of astonishment. Some rare falsity and insecurity could be sensed literally in every line of these articles, despite their threatening and confident tone. I had the feeling, and I couldn't get rid of it, that the authors of these articles were not saying what they wanted to say, and that their rage sprang precisely from that. And then, imagine, a third stage came - of fear.

No, not fear of these articles, you understand, but fear of other things totally unrelated to them or to the novel. Thus, for instance, I began to be afraid of the dark. In short, the stage of mental illness came. It seemed to me, especially as I was falling asleep, that some very cold and pliant octopus was stealing with its tentacles immediately and directly towards my heart. And I had to sleep with the light on.